

Коста Хетагуров

Рассказы

Коста Леванович Хетагуров

Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233684

Аннотация

Рассказы Косты Левановича Хетагурова осетинского поэта, драматурга, публициста, живописца. Основоположника осетинской литературы.

Содержание

Охота за турами	4
В горах	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Коста Хетагуров

Рассказы

Охота за турами

Аул Зебат состоял всего только из тринадцати дворов. Сакли его, словно гнезда ласточки, лепились в складках утеса, вздымавшегося до облаков из глубокой теснины. Бушующий поток на скалистом дне ущелья казался из аула серебряной нитью. Ни кусточка, ни деревца кругом! Везде скалы, одни скалы, поросшие мхом, и голый безжизненный камень.

Жили в этом ауле осетины; жили очень бедно, потому что не было у них ни лугов, ни пахотной земли. Мужчины занимались охотой за турами, а женщины смотрели за хозяйством. Козы заменяли им коров, а ишаки – лошадей. У кого было два осла, тот считался уже богатым. Домашнюю птицу всего аула составляли хохлатый петух и две-три конопатые курочки.

Осенью окрестности аула принимают еще более печальный вид. Тошная трава желтеет. Серые тучи спускаются до самого аула; из ледников дует холодный ветер. Начинаются дожди, изморозь, снег...

Впрочем, в конце сентября выпадают иногда ясные солнечные дни с холодным утром и с теплым великолепным

вечером. Лучи заходящего солнца позлащают причудливые вершины гор. Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой, как заколдованные замки, встают зубчатые скалы. Далеко в глубине рокочет неугомонный поток, и только он, переливаясь на тысячи ладов, нарушает мертвую тишину безмолвных утесов.

В один из таких вечеров к крайней сакле аула подошел молодой осетин.

– Тедо! – позвал он, не входя в саклю.

– Кто там? – отозвался мужской голос, и вслед за этим в низких дверях показался коренастый мужчина в серой черкеске и холстяной шляпе. – А, это ты, Сабан... Здравствуй! – обратился он весело к молодому осетину. – Что случилось?

– Да проклятый козел стащил один из моих чабуров (обувь) и оставил от него только плетеную подошву, – отвечал молодой осетин чуть не со слезами.

– Как так?!

– Очень просто. Я их починил, смазал, выложил свежей травой. Оставалось только надеть... Да завозился с ружьем. Надо, думаю, кремень переменить. Переменил... Хочу надеть чабуры... Левый на месте, а правого нет. Я – искать, туда – сюда... Нет нигде! Сестру оттаскал, брата прибил – нет, да и только! А козел тем временем жует да жует себе в темном углу. Мать заметила. Отняли – одна плетушка.

– Плохо дело, – со смехом заметил Тедо, – ну, да ты успеешь еще починить его. Мы будем ждать тебя до восхода лу-

ны.

– Неужели?.. Вот спасибо...

– Благодарю Фсати, который готовит нам с завтрашней зарей стадо круторогих, а пока ступай кроить свой чабур.

– Иду, иду! – И молодой осетин быстро зашагал по кривой улице.

– Не забудь и других предупредить, – крикнул ему вслед Тедо и вернулся в саклю.

Сакля Тедо имела два отделения. В первом, за плетнем, помещались козы, а во втором – сами хозяева. Небольшая дыра в южной стене жилого отделения заменяла окно. Посреди земляного пола был разведен огонь. Дым выходил в отверстие в потолке. Над огнем висел котелок. Молодая женщина делала из темного теста лепешки и запекала их в горячей золе. По другую сторону очага сидел старик и развлекал грудного ребенка. Вот и вся семья только что вошедшего Тедо: отец, жена и сынишка.

Зураб – так звали старика – был когда-то замечательным охотником; но старость одолела его: он плохо стал видеть и уступил свое ружье сыну. Сын с честью заменил отца и считался лучшим охотником в ауле.

Когда у Тедо начинались сборы на охоту, Зураб становился веселым и разговорчивым. Он припоминал свою молодость и давал сыну нужные советы. Только Залина, молодая жена Тедо, всегда очень скучала, когда муж отправлялся на охоту. Много рассказов она слышала об опасностях охоты за

турами и потому боялась за своего мужа. Когда она высказывала свои опасения, то Тедо обыкновенно шутил над ее женской трусостью. Слез он не терпел, и она никогда не смела плакать при нем.

– Кто это приходил? – спросил Зураб, когда сын его вернулся в саклю.

– Сабан, – ответил Тедо. – Он просит подождать его до восхода луны – не успел, говорит, приготовиться. Я сказал, что можно.

– Конечно, конечно, – одобрил старик, – и мы всегда так делали. Луна всходит рано – вы успеете. В лунную ночь туры спускаются ниже. Если вы пойдете по Мышиной тропе, то к рассвету перехватите их на перевале.

– Оно так, – заметил сын, – да по этой тропе опасно подыматься ночью.

– Бабы! – упрекнул старик. – Для охотника за турами не должно существовать препятствия. Я по этой тропе подымался в туманную ночь, под ливнем. Положим, за тремя гротами чуть не поплатился жизнью – сорвался... но ничего, бог миловал. Зато утром свалил вот этого самого козленка. – И Зураб самодовольно указал на два туры рога, висевшие на стене. Рога были необыкновенной величины.

– Я за себя не боюсь, – оправдывался Тедо. – Я знаю каждый камешек на этой тропе; но между нами будут неопытные охотники, – чего доброго, не согласятся.

– Детей никогда не надо спрашивать, – сурово заметил

старик. – Они должны следовать за старшими.

Ужин был готов. Залина сняла котелок, наполнила две чашки похлебкой и вместе с лепешками поставила их на круглый низенький столик о трех ножках. Тедо взял столик и поставил его перед отцом. Старик передал ребенка матери и с молитвой преломил лепешку. Тедо почтительно подсел к отцу и начал с ним ужинать.

Залина, по обычаю, стояла с ребенком на руках.

Когда Зураб сделал последний глоток из своей чашки, погладил бороду и поблагодарил бога, Тедо торопливо взял столик и передал его жене. Зураб закурил трубку, пожелал сыну успеха в предстоящей охоте и отправился спать. Спал он в том отделении, где помещались козы.

По уходе старика начала ужинать и Залина. Тедо взял сынишку, посадил его к себе на колени и шутливо обратился к жене:

– Ты, кажется, опять вспомнила свою бабушку – чего нос повесила?

– Умоляю тебя, не ходи по этой проклятой тропе, – тихо выговорила Залина и наклонилась над чашкой. Крупная слеза быстро сбежала по ее смуглой щеке и упала в похлебку.

– Не прикажешь ли за турами охотиться в этой сакле из окна?

– Ну, а если... не дай бог... несчастье какое?..

– Э, душа моя! Бог не выдаст, медведь не съест... А если несчастье, то вот тебе, – продолжал он весело, качая сынка: –

Видишь, какой молодец? Он тебя прокормит и похоронит... Так ведь, сыночек, да? Похоронишь маму?

Ребенок расхохотался и замахал ручонками,

– Джигит, одно слово, – джигит! Ну, а все-таки ступай к матери! – И Тедо, крепко поцеловав ребенка, передал его жене.

– Эге, никак и луна взошла, – продолжал он, выглядывая в окошко. – Ну, значит, собирайся и гайда!..

– Прошу тебя, не ходи сегодня, – умоляла со слезами в голосе Залина.

– С ума ты сошла! – крикнул Тедо. – С голоду умереть захотела?!

– Перебьемся как-нибудь... отложи охоту до другого раза.

– Зачем?

– Так... я боюсь.

– Ха-ха-ха! Глупая! Чего ты боишься? Чай, не первый раз... Слава богу, опытности хватит... еще других поучим... Ну, полно, полно. Будь умницей. Ведь жить-то надо. Только и кормимся, что охотой. Значит, не робей, а положишься во всем на волю святого Георгия. Не будь трусихой, и я приволоку тебе такого козленка, что сама потом будешь гнать на охоту – право!..

– Тедо! О Тедо! – донесся голос с улицы.

– Иду! – крикнул ему в ответ Тедо и, сняв со стены ружье, сумки и башлык, вышел на улицу.

Мышиная тропа была вообще опасна, а тем более для ноч-

ного путешествия. Она то змеей извивается в расщелинах скал, то крутыми ступенями подымается по отвесной стене, то ящерицей ползет в морщинах неприступного утеса, то легкой паутиной огибает бездонную пропасть, то совершенно исчезает в хаосе разрушенных скал и каменных осыпей.

Местами она так узка, что негде ногу поставить и приходится ползти на четвереньках. На каждом шагу смелого путешественника может приплюснуть сорвавшаяся глыба, каждую минуту он рискует полететь в такую бездну, где и ворон не найдет его костей.

Тедо шел впереди всех. Ноги его уставали, но он карабкался бодро.

– Не могу идти дальше, – простонал один из новичков.

– Да, отдохнуть надо, – согласились другие.

– Некогда отдыхать! – возразил Тедо. – Скоро светать начнет, и к восходу не доберемся до перевала.

– Идите, кто хочет, а я не могу, – продолжал новичок.

– Баба! – крикнул на него Тедо. – Тебе бы тесто месить, а не за турами охотиться!.. Заурбек! – обратился он к шедшему за ним товарищу, – ты эту дорогу знаешь лучше меня; оставайся с ним, а мы пойдем. С восходом солнца мы, во что бы то ни стало, будем на перевале. Смело гоните туров – им не миновать наших пуль.

– И я останусь, – робко произнес еще один охотник.

– Тем лучше, – ответил Тедо. – В каждой партии, значит, будет по три человека. Идемте! – И он снова стал карабкаться.

ся по отвесу. Сабан следовал за ним. Дорога становилась хуже и хуже. Тедо ободрял своих товарищей, в опасных местах указывал им, где становить ногу, за какой камень держаться, какого размера сделать прыжок и прочее.

– Стой! – крикнул вдруг осетин. – Видно, был обвал: не на что ступить.

И действительно, в этом месте тропа прекращалась. Тедо посмотрел вперед и шагах в десяти увидел большой выступ скалы, где заметно было продолжение тропы. Но промежуток между охотниками и тропой представлял из себя почти отвесную каменную стену, вершина которой исчезала в утреннем тумане, а основание терялось в глубине зияющей пропасти. Много надо мужества и беспредельной отваги, чтобы перебраться на продолжение тропы, цепляясь за едва заметные уступы, за щели и морщины каменной скалы; но отважные горцы привыкли уже бороться с такими препятствиями.

– Давайте веревку, – крикнул Тедо.

Ему подали, и он обмотал один конец ее вокруг поясницы.

– Держите хорошенько.

– Держим, – ответили его спутники.

Молчанье длилось около минуты. Тедо карабкался, как кошка, хватаясь за всякий выступ, за всякую неровность скалы.

– Поддай! – произнес он над пропастью.

– На! – ответили товарищи и поддали веревку, не больше

как на пол-аршина.

– Еще! – повторил Тедо.

– На!..

– Есть, – весело крикнул Тедо на той стороне, – надежно.

Приступайте смело.

Второй охотник перебрался легко, потому что веревку, которой он был опоясан, держали за оба конца. По ту сторону пропасти держал ее Тедо, а по эту – Сабан.

– Готово! – крикнул Тедо, когда товарищ их был ужена его стороне.

Оставалось переправиться Сабану. Он так же, как его товарищи, обвязал веревку вокруг поясницы, крикнул «держи!» и начал карабкаться по отвесу скалы.

Все хранили глубокое молчание. Тедо все больше и больше укорачивал веревку. Еще два-три шага и Сабан будет на их стороне. Слышно было, как он царапался ногтями по каменной скале, как из-под его ног мелкие камешки катились в пропасть...

– Аллах!! – раздался вдруг отчаянный крик охотника. Сабан сорвался; но товарищи его были готовы к такому случаю: они крепко держали веревку, и молодой осетин качался над бездной пропасти.

– Ушибся? – крикнул ему Тедо.

– Кажется, нет, – прохрипел Сабан.

Товарищи вытащили его и стали продолжать свой путь.

– Ну, слава богу, – произнес Тедо после еще одного труд-

ного перехода, – теперь мы вне опасности. Осталось немного, да и рассвело совсем.

Скоро они добрались до сборного пункта. Небольшая лужайка на самой вершине одного утеса была любимым местом отдыха всех охотников. Здесь они обсуждали план охоты. Сюда же приносили свою добычу, разводили огонь, жарили шашлыки, пели свои любимые песни и сладко засыпали после утомительного дня и вкусного ужина.

– Вот теперь можно и отдохнуть немного, – весело произнес Тедо, снимая сумку и ружье. – Здесь мы дома.

Охотники сели в кружок и начали завтракать. У каждого оказались в сумке ячменные лепешки и соль, а у Сабана еще и кусочек сыру.

Между тем настало время охоты. Товарищи осмотрели ружья, сложили в кучу излишнюю тяжесть, пожелали друг другу успеха и пошли к намеченным пунктам. Тедо должен был занять самую высокую седловину. Он отделился и быстро стал подниматься по скату. На повороте он остановился на минутку, махнул товарищам шапкой и скрылся.

Лучи восходящего солнца облили ярким румянцем снежную вершину Казбека. Горы стали выползать из утреннего тумана. Вдали чернело Дарьяльское ущелье. Тедо приближался к месту своей засады. Сделав крутой подъем, он остановился, чтобы перевести дыхание, оперся на ружье и осмотрелся... Вправо от него на большом скате паслось целое семейство туров. Сердце охотника забилося... Он поднял ру-

жье, но тотчас опустил его. Пуля не могла долететь до туров. Надо было обдумать, с какой стороны удобнее к ним добраться. Дорог, несомненно, две. Верхняя – менее опасная для охотника, но слишком открытая: туры могут заметить и скрыться. По нижней можно подойти к ним очень близко, но она идет по слишком опасному обрыву...

– Э, ничего, – пробормотал Тедо и пошел по нижней...

Смелые обитатели вековых ледников и мрачных утесов совсем не подозревали угрожавшей им опасности. Некоторые из них беззаботно паслись на крутой лужайке, а другие мирно почивали на выступах скалы.

Никогда смелость и ловкость Тедо не доходили до такой степени. Необыкновенно осторожно, как дикий кот, крался он к своей добыче. Ни один камешек не столкнул он с места, ни одна песчинка не сорвалась из-под его ног. Он подвигался: медленно, но каждый новый шаг обещал ему несомненный успех...

Еще немного, и он может выбрать любого тура для своего выстрела. Вот он уже на месте... Площадка очень достаточна, чтобы присесть и прицелиться... Промаха не будет. Его не пугает темная бездна под ногами, он забыл о страшной осыпи гранитных обломков, беспорядочно громоздившихся над его головой, забыл, что при малейшем сотрясении вся эта рыхлая громада может двинуться и похоронить его на дне ущелья. Тедо думал только о туре, которого сейчас застрелит. Он взвел курок и стал целиться... Тур, которого он

наметил, передвинулся на другое место. Тедо выждал, пока он остановился, хотел снова прицелиться, но невольно опустил ружье. Намеченный тур затеял игру, которую приходится видеть не всякому охотнику. Приподнявшись на задние ноги, тур ринулся вниз, головой на другого, стоявшего гораздо ниже его на самом краю обрыва. Раздался треск столкнувшихся рогоз. Нижний тур блистательно выдержал удар. Противники обменялись местами. Такой же отчаянный прыжок, страшный треск и необыкновенно блистательный отпор. Обменялись опять. Неизвестно, сколько времени продолжалось бы это состязанье, если бы Тедо не прекратил его. В голове охотника быстро созрела коварная мысль – одним выстрелом свалить двух громадных туров. Расчет был верен. В тот момент, когда верхний тур поднялся на задние ноги и оттолкнулся от скалы, чтобы сделать обычный прыжок, Тедо выстрелил в нижнего, и оба бойца сделались жертвой хитрости охотника. Нижний был убит пулей, а верхний, не встретив его сопротивления, полетел вместе с ним в пропасть...

Охотник торжествовал, но недолго. Выстрел всполошил остальных туров. Они бросились бежать. Через минуту один из них показался на груди камней, громоздившихся над головой охотника. Минута была ужасная. Тедо видел, как проскочил тур, как под его ногами пошатнулся камень, за ним другой, третий... Еще секунда, и вся эта рыхлая громада заколыхалась, двинулась и грозно загрохотала по крутой стремнине. Каждый камешек увлекал за собой тысячи дру-

гих... Гром и рокотанье завала были слышны на десятки верст. Густое облако пыли наполнило все ущелье...

Завал прошел. Где-то в глубине теснины замерло последнее эхо... Пыль осела. От выступа, на котором стоял Тедо, не осталось и следа. Все было стерто... уничтожено...

1893 (?)

В горах

Стоит только подняться от Мышиной тропы на Некрасовскую гору, чтобы не упустить случая полюбоваться очаровательной картиной: на первом плане, в крутых скалистых берегах, между горами камней извивается капризная, вечно неугомонная, покрытая блестящею пеною Кубань. Шум, подобный завыванию тысяч разнообразных голосов, производимый каскадами этой бурливой горной реки, наполняет собою свежий, упоительный воздух и придает как бы большую жизненность всей картине. Вершины высоких скалистых гор, группирующихся в чудной перспективе вокруг Кубани до рождающих ее вечных снегов, удивляют своею фантастичностью. Какая таинственность разлита по всей картине! Какая грандиозность! Необыкновенная грандиозность! Она даже как-то уничтожает наблюдателя, подавляет как-то... умалет его... Но зато тот уголок, та неширокая гладкая долина, служащая звеном между первым и вторым планом, та чистая бархатная полоска, по которой серебрится живописная линия Кубани, – как приветливо она выглядывает из темной глубины окружающих ее громад, как она успокаивает, как она манит, манит к себе!.. А то прозрачное облако дыма, окутывающее подножие мрачного утеса – это матовое покрывало меланхолической Шуаны, – как оно гармонирует со своей хозяйкой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.